© 2024. Lushnikova O. L.

BULLETIN
KEMEROVO STATE UNIVERSITY
politology, sociology and economics

Check for updates

This article is distributed under the terms of the CC BY 4.0 International License

оригинальная статья https://elibrary.ru/ceohtr

Трудовые практики неработающих жителей удаленных сел (на примере Хакасии)

Лушникова Ольга Леонидовна
Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории, Россия, Абакан
http://orcid.org/0000-0002-1440-1505
oltolt@mail.ru

Аннотация: В условиях затяжной безработицы происходит изменение сферы труда и занятости в сельской местности: меняется рынок труда, распространяются неформальные практики, появляются новые формы занятости, растет число сельчан, не желающих или отвыкших работать и др. Фокус данной статьи направлен на выявление трудовых практик среди неработающего населения удаленных территорий (на примере Хакасии). Географическая удаленность играет роль дополнительного фактора, ограничивающего возможности трудового поведения сельского населения. Исследование проведено на материалах социологического опроса жителей удаленных территорий региона (n = 404). Сравниваются группы сельчан, не имеющих работу разное по продолжительности время: от нескольких месяцев до года; несколько лет; никогда не работавшие. Социально-демографический состав этих групп, как и стратегии их трудового поведения, различаются. Первую группу опрошенных можно отнести к фрикционно безработным. В основном это трудоспособное население, проживающее в больших селах с относительно высоким уровнем достатка и ориентированное на различные трудовые стратегии. Вторая группа достаточно разнообразна по своему составу, в ней представлены практически все слои сельского населения. Опрошенные этой группы занимаются личным подсобным хозяйством, которое рассматривается как альтернатива формальной занятости. Третью группу образуют никогда не работавшие женщины репродуктивного возраста, не нацеленные на поиск работы или других форм самозанятости, поскольку основной вид их деятельности связан с ведением домашнего хозяйства и уходом за детьми. Распространены среди неработающего населения и случайные заработки (калым), и промысловая деятельность, однако доход от таких занятий невысокий и нестабильный. В целом трудовые практики неработающего населения удаленных территорий зависят от разных факторов, однако наибольшее влияние оказывает личная мотивация сельчан, определяющая стратегию их трудового поведения.

Ключевые слова: село, сельское население, безработица, занятость, самозанятость, случайные заработки, промысловая деятельность

Цитирование: Лушникова О. Л. Трудовые практики неработающих жителей удаленных сел (на примере Хакасии). *Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки*. 2024. Т. 9. № 1. С. 120–128. https://doi.org/10.21603/2500-3372-2024-9-1-120-128

Поступила 20.12.2023. Принята после рецензирования 05.02.2024. Принята в печать 15.02.2024.

Статья распространяется на условиях CC BY 4.0 International License

full article

Labor Practices of Remote Countryside Non-Working Population (on the Example of Khakassia)

Olga L. Lushnikova
Khakass Research Institute of Language, Literature and History, Russia, Abakan
http://orcid.org/0000-0002-1440-1505
oltolt@mail.ru

Abstract: In conditions of prolonged unemployment, the sphere of labor and employment in rural areas is transforming. The labor market is changing, informal practices are spreading, new forms of employment are emerging, the number of villagers who do not want or are unaccustomed to work is growing, etc. The article aims at identifying labor practices among the unemployed population of remote territories using the example of Khakassia. Geographical

remoteness is an additional factor limiting the possibilities of rural population labor behavior. The study was conducted based on a sociological survey of region's remote areas residents (n = 404). The article compares the groups of villagers who are unemployed for different periods. The socio-demographic composition of these groups, as well as the strategies of their work behavior, differ. The first group of respondents, those who did not work for up to a year, can be considered frictionally unemployed. Most of them are able-bodied people living in large villages with a relatively high level of prosperity and focused on various labor strategies. The second group, people who did not work for several years, is quite diverse in its composition and represents almost all segments of the rural population. The respondents of this group are engaged in personal subsidiary farming, which serves as an alternative to formal employment. The third group consists of women of reproductive age who have never worked. They do not aim at finding work or other forms of self-employment, since their main activities are household management and childcare. Casual earnings (extra money made on the side) and fishing activities are common among the unemployed population, but the income from such activities is low and unstable. In general, the labor practices of the remote territories' unemployed population depend on various factors, but the personal motivation of the villagers, which determines the strategy of their labor behavior, has the greatest influence.
Keywords: village, rural population, unemployment, employment, self-employment, casual earnings, crafts

Citation: Lushnikova O. L. Labor Practices of Remote Countryside Non-Working Population (on the example of Khakassia). *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriia: Politicheskie, sotsiologicheskie i ekonomicheskie nauki*, 2024, 9(1): 120–128. (In Russ.) https://doi.org/10.21603/2500-3372-2024-9-1-120-128

Received 20 Dec 2023. Accepted after peer review 5 Feb 2024. Accepted for publication 15 Feb 2024.

Введение

Затяжная безработица меняет сферу трудовых отношений села [1]. Под ее влиянием трансформируется структура занятости сельского населения [2], распространяется неформальная занятость [3], в т.ч. теневая [4], появляются новые формы самозанятости [5], меняется социальный состав безработных [6] и стратегии их поведения [7] и др. Безработица, в особенности сельская, чаще затрагивает наиболее уязвимые категории населения. Например, доказано, что среди безработных, проживающих на селе, значительно меньше граждан, имеющих высшее профессиональное образование. Доля граждан, получивших начальное профессиональное образование и не имеющих среднего общего образования, наоборот, выше [8, с. 121].

Собственно *безработных* сельчан, т.е. трудоспособных, желающих найти работу, находящихся в поиске и готовых приступить к ней, на селе немного. Данный вид безработицы во многом носит вынужденный характер. По мнению некоторых исследователей, она связана не только с отсутствием рабочих мест на сельском рынке труда, но и с тяжелыми условиями труда, на которые жители сел не готовы соглашаться. К. В. Аверкиева приводит в своем исследовании сравнение: на лесозаготовках и на предприятиях глубокой переработки древесины более высокий уровень оплаты труда и меньше текучесть кадров, тогда как на пилорамах происходит «круговорот бездельников», куда «идут одни непутевые ребята» [9, с. 28].

Наряду с безработными на селе появляются сельчане, *не желающие* [10, с. 190] или *отвыкшие* работать [11, с. 27]. На селе их насчитывается около 20 % [9, с. 25]. Увеличение численности этой категории сельчан имеет не только экономические последствия, но и социальные, например, алкоголизация [12, с. 54]. Ряд исследователей также поднимают проблему иждивенчества, связывая ее не только с использованием ресурсов близких родственников, но и переложением на них решения своей судьбы [13, с. 57].

Социально-экономические условия сельских территорий способствуют росту популярности и распространению самозанятости среди сельского населения. В данном случае под *самозанятостью* мы понимаем форму трудовой занятости населения, при которой каждый занятый «самостоятельно выбирает устраивающий его вид деятельности, организует процесс труда, в результате которого получает определенный денежный и / или натуральный доход» [14, с. 37]. Некоторые исследователи считают, что самозанятость и другие формы нестандартной занятости в сельской местности слабо развиты [15, с. 46]. Вместе с тем часть сельского населения вместо занятости в формальном секторе экономики выбирает разные виды самозанятости. Наиболее распространенной альтернативой трудовой деятельности является занятость в *личном подсобном хозяйстве* (ЛПХ) [16, с. 61], часть сельчан занимается *промыслами* (собирательством

BULLETIN
KEMEROVO STATE UNIVERSITY
politology, sociology and economics

дикоросов, охотой, рыболовством) [17, с. 49], практически все сельское население соглашается на *случайные заработки* или так называемый *калым* [9, с. 29], в т. ч. и нетрадиционный [18, с. 19].

В наиболее сложном положении находятся жители удаленных и особенно малых сел, экономическая деятельность которых во многом остается неформальной [19, с. 90]. На удаленных сельских территориях возможности нахождения заработка ограничены не только узким рынком труда и небольшим количеством рабочих мест, но и географической удаленностью, препятствующей, например, маятниковой трудовой миграции в близлежащие села. Можно предположить, что фактор удаленности оказывает влияние на выбор трудовых практик неработающего населения, проживающего в таких особых пространственных условиях.

Учитывая сложную экономическую обстановку сельских территорий, в исследовании важно не только выявить трудовые практики безработных, но и понять, кто образует неработающее население, какие группы сельчан не имеют работы и по каким причинам, поэтому в качестве объекта выступают все сельчане, не имеющие работу. Безусловно, исследуемую группу мы не можем отнести к собственно *безработным* (согласно классификации Международной организации труда (МОТ)), поскольку часть такого населения периодически имеет случайные заработки, занимается промысловой деятельностью, ведением ЛПХ, другими словами, вовлечена в те или иные формы трудовой занятости (самозанятости) или вообще не нацелена на поиск работы. Исходя из поставленных задач, в данном исследовании мы рассматриваем трудовые практики сельчан, не имеющих работу разное по продолжительности время, предполагая разность их трудового поведения и причин безработицы. Под *трудовым поведением* мы понимаем не только занятость по основному месту работы, но и ведение ЛПХ, занятия промыслами и другие практики.

Исследование проведено на примере жителей удаленных сел Хакасии. Материалами для исследования послужили данные социологического опроса, проведенного в 2022 г. среди жителей удаленных сел Республики Хакасия (n = 404). В статье проанализированы данные только по респондентам, не имеющим работу. Опрос проводился в больших (население 500–1000 человек) и малых (менее 500 человек) селах. Выборка квотная: отбор осуществлялся по полу, возрасту. Обработка полученных данных осуществлялась с помощью программы SPSS Statistics 19. В исследовании использовался анализ корреляций по Спирмену.

Результаты и обсуждение

Социально-демографический портрет неработающего населения

По нашему предположению, трудовые практики неработающего населения во многом зависят от длительности отсутствия работы, поэтому в данном исследовании мы сравнили группы сельчан, находящихся без работы разное по продолжительности время.

Среди населения удаленных сел Хакасии преобладают сельчане, не имеющие занятости на протяжении нескольких лет (рис. 1). Примерно треть опрошенных находится без работы непродолжительное время – от нескольких месяцев до года. Также обнаружилась группа населения, которая никогда в своей жизни не работала – это каждый десятый житель удаленных сел.

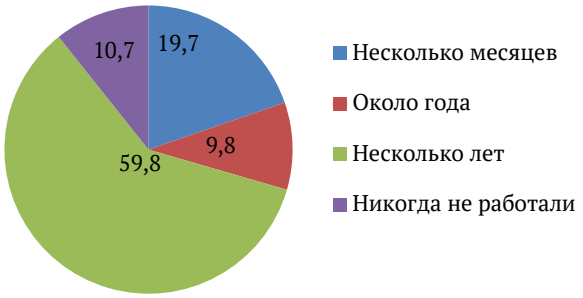

Рис. 1. Соотношение продолжительности отсутствия работы сельчан, % от опрошенных
Fig. 1. Ratio of remote villages' population time, %

По социально-демографическим характеристикам эти группы тоже значительно различаются (табл.). Среди сельчан, находящихся без работы не более года, нет гендерного дисбаланса. В основной своей массе это люди в возрасте 35–54 лет, 50 % из которых состоит в браке, имеет двух и более детей. Сельчане, попавшие в эту группу, преимущественно проживают в больших селах. В более крупных населенных пунктах рынок труда более широкий и подвижный, поэтому часть сельчан ориентирована на поиск лучшей работы, и число не имеющих работу больше, чем в малых селах. Фрикционная безработица – вполне естественное явление, хотя в сельской местности ее удельный вес выше, чем в городской.

Группа сельчан, не имеющих работу несколько лет, разнообразна по своему составу. Среди них есть как мужчины, так и женщины, люди разных возрастов с разным семейным положением и количеством детей, проживающие в разных типах села (и больших, и малых). Эта группа неработающего населения самая многочисленная, поэтому в ней представлены практически все слои сельского населения.

https://doi.org/10.21603/2500-3372-2024-9-1-120-128

Табл. Социально-демографические характеристики неработающих сельчан
Tab. Socio-demographic characteristics of the remote villages' non-working population

Характеристики	Значения	Продолжительность нахождения без работы, %		
		Не больше года	Несколько лет	Никогда не работали
Пол	Мужчины	44,4	57,5	15,4
	Женщины	55,6	42,5	84,6
Возраст	18–24	11,1	4,1	–
	25–34	–	8,2	84,6
	35–44	41,7	33,0	15,4
	45–54	47,2	34,2	–
	55 и старше	–	20,5	–
Семейное положение	Холостые / незамужние	11,1	17,8	38,5
	В браке	55,6	67,1	61,5
	Разведенные	33,3	11,0	–
	Вдовые	–	4,1	–
Дети	Не имеют детей	33,3	24,7	15,4
	Имеют одного ребенка	–	30,1	–
	Имеют двух детей	47,2	13,7	–
	Имеют трех и более детей	19,5	31,5	84,6
Размер села	Малое (меньше 500 человек)	22,2	43,8	38,5
	Большое (500–1000 человек)	77,8	56,2	61,5

Никогда не работавшие сельчане отличаются по своим социально-демографическим характеристикам от предыдущих групп. В основном это молодые (25–34 года) замужние женщины, имеющие трех и более детей. Основной род их деятельности связан с ведением домашнего хозяйства (домохозяйки). Согласно классификации МОТ, эта группа не относится к безработному населению.

Основные причины, по которым опрошенные лишились работы, связаны с закрытием предприятия или сокращением (50,8 %). Каждый десятый попал под увольнение (9,8 %), четверть опрошенных ушла с работы по собственному желанию (24,6 %), остальные опрошенные указали на другие причины (14,8 %). При этом официально зарегистрированных в качестве безработных и состоящих на учете в центре занятости немного (13,9 %), и в основном это сельчане, лишившиеся работы сравнительно недавно. Активность в поисках работы также связана с продолжительностью безработицы (коэффициент связи по Спирмену $r = -0{,}191$ при $p \leqslant 0{,}05$): чем меньше сельчане находятся без работы, тем более они активны в поисках работы, и наоборот (рис. 2).

Так, среди недавно потерявших работу, только 8,3 % ничего не делали, чтобы найти ее, среди не имеющих работу на протяжении нескольких лет – 37,0 %. Среди тех, кто никогда не работал, больше половины не проявляли никакой активности в поисках работы (53,8 %). В основном все

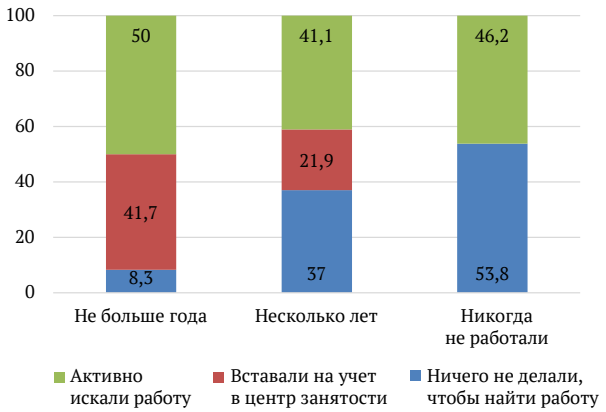

Рис. 2. Распределение ответов на вопрос «Что Вы делали, чтобы найти работу?», % от опрошенных
Fig. 2. Responses to "What did you do to find a job?", %

BULLETIN
KEMEROVO STATE UNIVERSITY
politology, sociology and economics

неработающие сельчане живут на средства ближайших родственников (мужа, жены, родителей и т. п.). Исследователи отмечают, что постоянным компонентом бюджета их детей является пенсия [20, с. 90]. Ответы респондентов на вопрос «На какие средства Вы сейчас живете?» подтверждают, что весомым источником средств существования для неработающих являются социальные пособия (84,6 %), однако в основном это относится к тем сельчанам, которые никогда не работали. У не имеющих работу продолжительное время источником дохода чаще является ЛПХ (49,3 %). Половина сельчан, недавно оставшихся без работы, отвечают, что живут на что придется (55,6 %).

Трудовая активность неработающих сельчан

Ведение ЛПХ является привычной частью сельского образа жизни. Большинство неработающих жителей удаленных сел занимается разведением скота (69,7 %), однако степень их хозяйственной активности неодинакова (рис. 3).

Наиболее активными в разведении скота оказались сельчане, не имеющие работы на протяжении нескольких лет: большинство из них имеет на подворье несколько видов скота (61,6 %). По мнению П. П. Великого и В. Л. Шабанова, отсутствие работы у одного взрослого часто является результатом его личного выбора, в этом случае ЛПХ становится заменой официальной занятости [21, с. 110]. Действительно, две трети таких сельчан ушли с работы не вынужденно (из-за сокращения или увольнения), а по собственному желанию или другим причинам (67,1 %). Недавно оставшиеся без работы тоже достаточно активно занимаются скотоводческой деятельностью (52,8 %), однако среди них есть

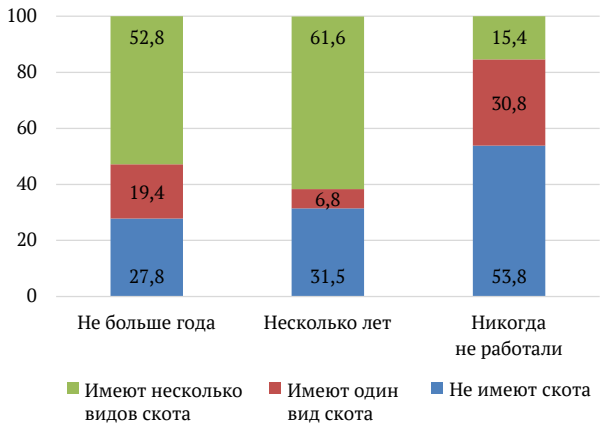

Рис. 3. Соотношение количества скота у неработающих сельчан, % от опрошенных
Fig. 3. Ratio of livestock number among remote villages' non-working population, %

и те, кто имеет на подворье всего один вид скота (19,4 %). Меньше всех вовлечены в деятельность по разведению скота никогда не работавшие сельчане, половина из которых не имеет на своем подворье никаких животных (53,8 %). Предположительно, низкую активность этой группы вряд ли можно расценивать как пассивную стратегию поведения, поскольку эту часть сельчан образуют домохозяйки.

Еще одной практикой трудового поведения среди не имеющих постоянную работу сельчан являются случайные заработки. По данным исследований, в отсутствие какой-либо работы примерно треть (34,16 %) жителей села вынуждены оказывать платные услуги более состоятельным сельчанам – белить, сажать, выкапывать картофель и т. д., т. е. подрабатывать на сезонной или разовой работе, калымить [22]. Согласно результатам нашего исследования, число неработающих жителей удаленных сел, вовлеченных в такую эпизодическую занятость, в два раза больше – 65,6 %. Ограниченный рынок труда вкупе с фактором удаленного проживания существенно снижает возможности нахождения постоянной работы, поэтому доля случайных заработков в общей структуре занятости в таких селах выше. Сельчане нанимаются на калымные работы (41,0 %), связанные с широким спектром видов деятельности: сельскохозяйственными работами (посадка, прополка, выпас скота, уход и т. п.), строительными (ремонт, отделка и т. п.) и др.

Распространенным среди неработающего населения источником дохода также считается промысловая деятельность, под которой понимается самодеятельная хозяйственно-экономическая активность домохозяйства, использующая собственные средства и технологии, направленная на жизнеобеспечение семьи и достижение иных, как правило, социальных целей [23, с. 411]. К промыслам относятся собирательство, охота, рыболовство, бортничество и др. Однако результаты нашего исследования показали, что промысловой деятельностью занимается лишь каждый десятый опрошенный (11,5 %), что, вполне вероятно, связано с низкой прибыльностью этого источника дохода. Исследователи подтверждают, что указанные способы заработка имеют сезонный характер, зависят от погодных условий и других непредвиденных факторов, что делает получаемые доходы нестабильными [24, с. 60].

В целом, из-за отсутствия гарантий, а также низкого и нерегулярного заработка проблема неформальной занятости превращается в проблему бедности [25, с. 63]. Оказалось, что продолжительность отсутствия работы отрицательно коррелирует с уровнем материального положения неработающих сельских

https://doi.org/10.21603/2500-3372-2024-9-1-120-128

жителей (коэффициент корреляции по Спирмену $r = -0{,}368$ при $p \leqslant 0{,}01$). Среди недавно лишившихся работы много *зажиточных* сельчан (47,2 %). Это те люди, которым хватает средств на удовлетворение основных потребностей (в еде, одежде, обуви, бытовой технике) (рис. 4). Большинство сельчан, не имеющих работу несколько лет, отнесли себя к *бедным*, которым денег едва хватает на питание (76,7 %), хотя зажиточные сельчане среди них тоже есть (12,3 %). Среди никогда не работавших зажиточных сельчан не оказалось.

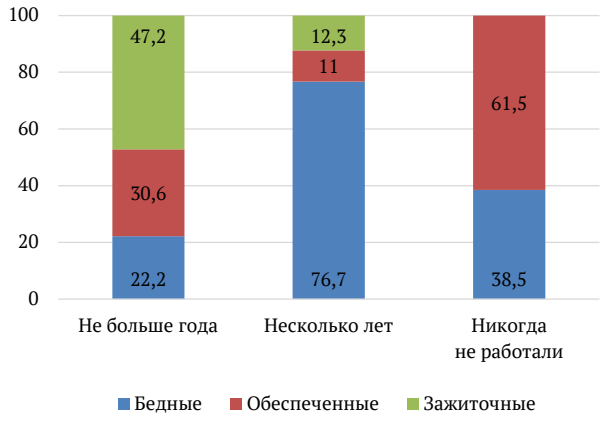

Рис. 4. Соотношение уровней достатка неработающих сельчан, % от опрошенных
Fig. 4. Ratio of remote villages' non-working population income levels, %

Вполне вероятно, что причины невысокого материального достатка неработающих сельчан связаны не только (а, может быть, и не столько) с длительностью безработицы, сколько с их мотивацией. Анализ мотивации опрошенных показал, что сельчане ориентированы на разные стратегии поведения. Сельчане, не работающие меньше года, готовы работать вахтовым методом (47,2 %). Не имеющие работу на протяжении нескольких лет, с одной стороны, выражают готовность взяться за любую работу (32,9 %), а с другой стороны, больше ориентируются на стратегии поведения, связанные с местом своего проживания. В частности, они заинтересованы в разведении скота и выращивании овощей (45,2 %). Никогда не работавшие сельчане ответили, что ничего не будут делать, чтобы найти работу (61,5 %).

Заключение

Застойная безработица приводит к стойким изменениям экономической конъюнктуры рынка труда и трансформации социальной структуры современного села. Среди жителей сельских территорий отчетливо выделяется несколько относительно устойчивых категорий неработающего населения. Прежде всего, это безработные, лишившиеся работы по объективным обстоятельствам (чаще из-за ликвидации предприятия, закрытия производства, сокращения, увольнения и т. п.). Однако внутри эта категория сельчан неоднородна. Группы значительно отличаются друг от друга и по социально-демографическим характеристикам, и по степени активности, и по стратегиям трудового поведения.

Первая группа – достаточно молодое трудоспособное население, имеющее, как правило, несовершеннолетних детей, поэтому мотивированное на активную трудовую деятельность. Причем, чем меньше продолжительность времени нахождения без работы, тем более эти сельчане активны в ее поисках. Стратегии их трудового поведения тоже достаточно разнообразны и связаны не только с местом проживания: часть из них готовы работать и вахтовым методом.

Вторая группа – сельчане, находящиеся без работы на протяжении длительного времени (нескольких лет). Социально-демографический состав этой группы разнообразен, в ней представлены практически все слои населения, что является свидетельством затяжного характера безработицы, охватившей сельские территории. На первый взгляд, такие сельчане допускают вариативность стратегий поведения, готовы взяться за любую работу. Однако в действительности они ориентированы на трудовую деятельность преимущественно в месте своего проживания, прежде всего, на ведение ЛПХ. Низкая активность в поисках работы может объясняться, с одной стороны, отсутствием веры в реальную возможность трудоустройства, с другой – сформировавшимся на протяжении длительного времени привычным образом жизни, связанным с работой на домашнем подворье.

Наряду с вынужденной безработицей растет число добровольно не работающих сельчан. Среди них также можно выделить несколько групп. Первая группа – домохозяйки, т. е. женщины репродуктивного возраста, чаще многодетные, основной род деятельности которых связан с ведением домашнего хозяйства и воспитанием детей. Одним из весомых источников дохода этой части населения являются социальные пособия. В большинстве своем сельчанки не ориентированы на поиск работы, поэтому не относятся к безработному населению. Ко второй группе можно отнести сельчан, которые занимаются ведением личного подсобного хозяйства или промысловой деятельностью (по вынужденным причинам или добровольно), т. е. вовлечены в те или иные формы занятости (самозанятости). Данный способ заработка слабо распространен у сельских жителей.

Третья группа сельчан – те, кто не хочет работать. Источники доходов, род занятий и перспективы будущего этой группы не определены. Часть из них живет на случайные заработки, некоторые живут на социальные пособия, кто-то находится на иждивении родственников. Есть и те, кто живет на что придется. Увеличение численности этой категории населения грозит не только экономическими, но и социальными последствиями, например, распространением практик праздного образа жизни (алкоголизма, пьянства, наркомании).

В условиях непростой социально-экономической ситуации, сложившейся на сельских территориях, удаленность накладывает дополнительные ограничения на возможности трудоустройства населения и практики трудового поведения. В некрупных удаленных селах небольшой рынок труда, поэтому выбор сфер занятости (самозанятости) тоже достаточно ограничен. Более доступным для сельчан является занятие ЛПХ, хотя его ведение сопряжено с множеством проблем (ограниченностью ресурсов, возможностей содержания скота, сбыта продукции и др.). Чаще всего хозяйство сельчан носит натуральный, а не товарный характер; произведенной продукции хватает преимущественно на удовлетворение потребностей в питании. Лишь некоторым жителям удается сбывать сельскохозяйственную продукцию, но доход от этой деятельности очень низкий, поэтому говорить о масштабном развитии фермерства среди неработающего населения удаленных территорий пока рано.

Некоторые сельчане занимаются промыслами, но такой вид деятельности доступен только проживающим в соответствующих природно-климатических условиях (таежная местность). Доход от промыслов носит сезонный характер и не может в полной мере обеспечить потребности среднестатистической сельской семьи круглый год, полученные продукты чаще используются для личного пропитания. Высока вовлеченность неработающих жителей в эпизодическую занятость (случайные заработки, сезонные работы, калым), при этом оплачиваться такая работа может не только в денежной, но и в натуральной форме. Такой вид заработка отличается крайней нерегулярностью, поэтому вряд ли может рассматриваться в качестве основного вида трудовой деятельности.

В целом, трудовые практики неработающего населения удаленных территорий зависят от разных факторов: конъюнктуры рынка труда, продолжительности безработицы, природно-климатических условий местности. Однако наибольшее влияние оказывает личная мотивация сельчан, определяющая стратегию их трудового поведения.

Конфликт интересов: Автор заявил об отсутствии потенциальных конфликтов интересов в отношении исследования, авторства и / или публикации данной статьи.
Conflict of interests: The author declared no potential conflicts of interests regarding the research, authorship, and / or publication of this article.

Литература / References

1. Смирнова Т. А. Безработица в сельских поселениях России: состояние и возможности решения проблемы. *Эпоха науки*. 2019. № 19. С. 62–67. [Smirnova T. A. Unemployment in rural areas of Russia: the state and possibilities of solving the problem. *Epokha nauki*, 2019, (19): 62–67. (In Russ.)] https://doi.org/10.24411/2409-3203-2019-1918
2. Соловченков С. А. Трансформация структуры занятости сельского населения Приамурья в современных российских условиях. *Журнал социологии и социальной антропологии*. 2013. Т. 16. № 4. С. 184–188. [Solovchenkov S. A. The transformation of the employment structure of the Amur region rural population in modern Russia. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoi antropologii*, 2013, 16(4): 184–188. (In Russ.)] https://www.elibrary.ru/rrrjdv
3. Водопьянова А. И., Леонова Л. А. Исследование характера неформальной занятости. *Финансовая аналитика: проблемы и решения*. 2015. № 6. С. 13–23. [Vodopyanova A. I., Leonova L. A. A study on the nature of informal employment. *Financial Analytics: Science and Experience*, 2015, (6): 13–23. (In Russ.)] https://www.elibrary.ru/thjuyf
4. Ахмедуев А. Ш. Теневая экономика: системный ресурс и фактор торможения социально-экономического развития. *Вопросы экономики*. 2015. № 9. С. 152–160. [Akhmeduev A. Sh. Shadow economy in Russia: system resource and a factor of braking social and economic development. *Voprosy Ekonomiki*, 2015, (9) 152–160. (In Russ.)] https://doi.org/10.32609/0042-8736-2015-9-152-160
5. Сукнева С. А., Барашкова А. С., Неустроева А. Б. Предпосылки и особенности самозанятости сельского населения северного региона. *Региональная экономика: теория и практика*. 2017. Т. 15. № 7. С. 1251–1260. [Sukneva S. A., Barashkova A. S., Neustroeva A. B. Rural self-employment in the northern region: background

and characteristics. *Regional Economics: Theory and Practice*, 2017, 15(7): 1251–1260. (In Russ.)] https://www.elibrary.ru/wmmjbw

6. Арсельгова М. А. Социальный портрет безработного: социологический анализ. *Вестник Ингушского научно-исследовательского института гуманитарных наук им. Ч. Э. Ахриева*. 2020. № 1. С. 57–61. [Arselgova M. A. Social portrait of the unemployed: a sociological analysis. *Vestnik Ingushskogo nauchno-issledovatelskogo instituta gumanitarnykh nauk im. Ch. E. Akhrieva*, 2020, (1): 57–61. (In Russ.)] https://www.elibrary.ru/ymvxtw
7. Troshina T. I. Strategies and practices of collective self-preservation of population in northern villages: historical experience and modern realities. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2016, (2): 94–113. https://doi.org/10.15838/esc.2016.2.44.6
8. Злобин Е. Ф., Студенникова Н. С., Полухина М. Г. Сельский рынок труда центральной России: состояние и проблемы. *Вестник аграрной науки*. 2017. № 6. С. 117–123. [Zlobin E. F., Studennikova N. S., Polukhina M. G. Rural labour market of the central Russia: state and problems. *Bulletin of agrarian science*, 2017, (6): 117–123. (In Russ.)] https://doi.org/10.15217/issn2587-666X.2017.6.117
9. Аверкиева К. В. Рынки труда и роль отходничества в занятости сельских жителей российского Нечерноземья. *Известия Российской академии наук. Серия географическая*. 2016. № 1. С. 25–37. [Averkieva K. V. Labor markets and role of "Otkhodnichestvo" in the employment of rural residents of Non-Chernozem Zone of Russia. *Izvestiya Rossiiskoi Akademii Nauk. Seriya Geograficheskaya*, 2016, (1): 25–37. (In Russ.)] https://doi.org/10.15356/0373-2444-2016-1-25-37
10. Дилекова С. Д. Проблемы занятости сельского населения в республике Алтай. *Уровень жизни населения регионов России*. 2016. № 1. С. 185–193. [Dilekova S. D. Problems of employment of rural population in the Altay Republic. *Living Standards of the Population in the Regions of Russia*, 2016, (1): 185–193. (In Russ.)] https://www.elibrary.ru/wcobkf
11. Асланов Ш. С., Передерий В. А. Актуальные проблемы устойчивого развития сельских территорий Краснодарского края (по материалам социологического исследования). *Теория и практика общественного развития*. 2019. № 10. С. 24–29. [Aslanov Sh. S., Perederiy V. A. Actual problems of sustainable development of rural areas of Krasnodar Region (based on sociological research). *Theory and Practice of Social Development*, 2019, (10): 24–29. (In Russ.)] https://doi.org/10.24158/tipor.2019.10.3
12. Белова Ю. Ю. Прекаризация и алкоголизация: созвучные понятия или связанные явления? *Общество. Среда. Развитие*. 2018. № 4. С. 52–55. [Belova Yu. Yu. Precarization and alcoholization: consonant concepts or related phenomena? *Society. Environment. Development*, 2018, (4): 52–55. (In Russ.)] https://www.elibrary.ru/sgixut
13. Воловская Н. М., Плюснина Л. К., Русина А. В., Иноземцева А. В. Незанятое население и самозанятость в Сибирском регионе. *Социологические исследования*. 2015. № 5. С. 52–60. [Volovskaya N. M., Plyusnina L. K., Rusina A. V., Inozemtseva A. V. Unemployed population and self-employment in Sibirian region. *Sotsiologicheskie issledovaniia*, 2015, (5): 52–60. (In Russ.)] https://www.elibrary.ru/tuhqtx
14. Ахметов В. Я. Развитие различных форм самозанятости как эффективное направление решения проблем безработицы в Башкирском Зауралье. *Управление социально-экономическим развитием региона*: III Всерос. науч.-практ. конф. (Сибай, 20 апреля 2012 г.) Уфа: СИ БашГУ, 2012. С. 37–44. [Akhmetov V. Ya. Development of various forms of self-employment as an effective way to solve the problems of unemployment in the Bashkir Trans-Urals. *Management of socio-economic development of the region*: Proc. III All-Russian Sci.-Prac. Conf., Sibay, 20 Apr 2012. Ufa: SI BashGU, 2012, 37–44. (In Russ.)] https://www.elibrary.ru/xqyazb
15. Калинина И. В., Соловченков С. А. Нестандартная занятость в сельской местности Еврейской автономной области. *Региональные проблемы*. 2017. Т. 20. № 1. С. 46–54. [Kalinina I. V., Solovchenkov S. A. Non-standard rural employment in Jewish Autonomous Region. *Regional Problems*, 2017, 20(1): 46–54. (In Russ.)] https://www.elibrary.ru/zokacd
16. Балакина Г. Ф. Проблемы безработицы и самозанятости в Туве. *Региональная экономика: технологии, экономика, экология и инфраструктура*: Междунар. науч.-практ. конф., посвященная 20-летию ТувИКОПР СО РАН (Кызыл, 14–15 октября 2015 г.) Кызыл: ТувИКОПР СО РАН, 2015. С. 59–65. [Balakina G. F. Problems of unemployment and self-employment in Tuva. *Regional Economy: technology, economics, ecology and infrastructure*: Proc. Intern. Sci.-Prac. Conf. dedicated to the 20th anniversary of TuvIENR SB RAS, Kyzyl, 14–15 Oct 2015. Kyzyl: TuvIENR SB RAS, 2015, 59–65. (In Russ.)] https://www.elibrary.ru/vuusqt

17. Копылова Ю. В. Социальное предпринимательство как один из видов альтернативной занятости в сельской местности. *Развитие рынка труда на современном этапе социально-экономических преобразований*: III Всерос. науч.-практ. конф. (Пенза, 24–25 августа 2020 г.) Пенза: Пензенский ГАУ, 2020. С. 47–52. [Kopylova Yu. V. Social entrepreneurship as a type of alternative employment in rural areas. *Development of the labor market at the present stage of socio-economic transformations*: Proc. III All-Russian Sci.-Prac. Conf., Penza, 24–25 Aug 2020. Penza: Penza SAU, 2020, 47–52. (In Russ.)] https://www.elibrary.ru/vqjzcq
18. Лушникова О. Л. Неформальные трудовые практики сельского населения (на примере Хакасии). *Векторы благополучия: экономика и социум*. 2023. Т. 48. № 1. С. 15–23. [Lushnikova O. L. Informal rural labor practices (on the example of Khakassia). *Journal of Wellbeing Technologies*, 2023, 48(1): 15–23. (In Russ.)] https://doi.org/10.18799/26584956/2023/1/1490
19. Субракова Л. К. Оценка неформальной экономики малых сел Республики Хакасия. *Научные исследования и разработки. Экономика фирмы*. 2019. Т. 8. № 3. С. 90–100. [Subrakova L. K. Assessment of informal economy of small villages of the Republic of Khakassia. *Scientific Research and Development. Economics of the Firm*, 2019, 8(3): 90–100. (In Russ.)] https://doi.org/10.12737/article_5d7b46c5d4d2f4.32281713
20. Великий П. П., Бочарова Е. В. Созидательный потенциал старшей возрастной группы в сельском социуме. *Историческая и социально-образовательная мысль*. 2017. Т. 9. № 1-2. С. 79–96. [Velikii P. P., Bocharova E. V. Creative potential of the older age group in the rural society. *Istoricheskaya i sotsial'noobrazovatelnaya mysl'*, 2017, 9(1-2): 79–96. (In Russ.)] https://doi.org/10.17748/2075-9908-2017-9-1/2-79-96
21. Великий П. П., Шабанов В. Л. Особенности аграрной самозанятости. Опыт социологического исследования самостоятельного хозяйствования сельских семей. *Историческая и социально-образовательная мысль*. 2019. Т. 11. № 4. С. 105–121. [Velikii P. P., Shabanov V. L. Features of agrarian self-employment. Experience of sociological research of the independent economy of rural families. *Historical and Social-Pedagogical Studies*, 2019, 11(4): 105–121. (In Russ.)] https://doi.org/10.17748/2075-9908-2019-11-4-105-121
22. Бильтрикова А. В. Проблема бедности сельского населения Республики Бурятия. *Современные исследования социальных проблем (электронный журнал)*. 2012. № 9. [Biltrikova A. V. The problem of poverty of the rural population of the Republic of Buryatia. *Sovremennye issledovaniia sotsialnykh problem (elektronnyi zhurnal)*, 2012, (9). (In Russ.)] https://www.elibrary.ru/pflpwb
23. Плюснин Ю. М. Социальная структура провинциального общества. М.: Common Place; Фонд социальных исследований «Хамовники», 2022. 448 с. [Plusnin J. M. *Social structure of provincial society*. Moscow: Common Place; Fond sotsialnykh issledovanii «Khamovniki», 2022, 448. (In Russ.)]
24. Татарова С. П., Затеева Н. А. Проблемы развития сельских территорий (на примере республик Бурятия и Тыва). *Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки*. 2021. Т. 6. № 1. С. 58–65. [Tatarova S. P., Zateeva N. A. Problems of rural development: republics of Buryatia and Tyva. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriia: Politicheskie, sotsiologicheskie i ekonomicheskie nauki*, 2021, 6(1): 58–65. (In Russ.)] https://doi.org/10.21603/2500-3372-2021-6-1-58-65
25. Каримов А. Г., Фаткуллина Г. Р. Неформальная занятость как фактор бедности работающего населения. *Фундаментальные исследования*. 2021. № 1. С. 61–65. [Karimov A. G., Fatkullina G. R. Informal employment as a factor in poverty among the working population. *Fundamentalnye issledovaniia*, 2021, (1): 61–65. (In Russ.)] https://doi.org/10.17513/fr.42950